

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 48 (3393)

Четверг, 21 апреля 1955 г.

Цена 40 коп.

Вождь и учитель трудового народа

Народный вождь, гениальный мыслитель, который, «эсмлю всю охватывая разом, видел то, что временем закрыто», и вместе с тем самый человеческий человек, простой и сердечный, скромнейший из скромных, — таким навсегда вошел Владимир Ильич Ленин в наше сознание; там он живет и будет жить вечно в памяти миллионов.

Все, что есть в нашем народе поистине великого и героического, — ясный ум, бесстрашие в борьбе, могучая воля, преодолевающая любые преграды, священная ненависть к рабству и угнетению, революционная страсть, двигающая горами, безграничная вера в творческие силы масс, — все это нашло свое великое воплощение в Ленине.

Жизнь Ленина — немеркнущий пример служения народу, высокий подвиг во имя счастья простых людей земли. «Его мысль, — писал А. М. Горький, — точно стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов трудового народа».

О судьбах народа, о его будущем думал Ленин, создавая нашу славную Коммунистическую партию, закаляя ее в жестокой, непримиримой борьбе с многочисленными врагами марксизма, вооружая ее передовой революционной теорией, готовя массы к штурму старого мира, к великой победе в Октябре 1917 года.

О судьбах народа думал наш вождь и учитель, выковыряя союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Самой чудесной в мире силой назвал он этот союз. В нем он видел высший принцип диктатуры пролетариата, прочную основу всех успехов в строительстве нового общества.

О коренных интересах народа думал великий основатель Советского государства, разрабатывая невиданно смелую программу превращения экономически отсталой России в передовую могучую социалистическую державу, выдвигая на первый план всемерное развитие крупной машинной промышленности и электрификации страны.

В свете интересов миллионов народных масс решались Лениным и вопросы культурной революции, вопросы развития науки, литературы, искусства. Он учил, что коммунизм нельзя построить без запасов знаний, без техники и культуры, без борьбы за утверждение новой, социалистической идеологии, новой морали.

Глубочайшей верой в народ, в неисчерпаемость его творческих сил и талантов была пронизана вся многогранная деятельность Ленина. Коммунистическая партия пробудила и подняла к сознательному историческому творчеству, к созданию новых форм общественной жизни широчайшие массы трудящихся. Родившиеся в толще народных масс соревнования, новаторский почин, смелое дерзание всегда находили горячую поддержку Ленина. Весь стиль его работы, характер его общения с людьми по самой сути своей, по духу были глубоко враждебны любому проявлению бюрократизма, волокиты, косности, канцелярского бумаготворчества. Лениские указания лежат в основе той борьбы, которую ведет партия за совершенствование работы советского государственного аппарата, за дальнейшее усиление его связи с массами.

Победу Октябрьской революции, завоевание власти пролетариатом Ленин считал главной предпосылкой подлинной цивилизации, при которой все достижения науки, техники, культуры становятся общенародным достоянием и человеческий ум, человеческий гений никогда уже не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации. Ленин предвидел, что наша страна пойдет семимильными шагами по пути прогресса, станет очагом передовой культуры человечества. Жизнь полностью подтвердила правильность ленинского предвидения.

Для становления и развития советской литературы и искусства решающую роль, как известно, сыграли принципы партийности литературы, выдвинутые Лениным еще в годы первой русской революции, беспощадное разоблачение Лениным лицемерного буржуазного лозунга «независимость литературы от общества и фальшивых, реакционных концепций «чистого искусства», «искусства для искусства», ленинская забота о том, чтобы наша литература и искусство находились под направляющим руководством Коммунистической партии, чтобы она стала действительно общенародным, общегосударственным делом.

Неоценимое значение имели и имевшие указание Ленина о правильном отношении к культурному наследию прошлого, об использовании этого наследия в интересах советского народа.

Известно, как высоко ценил Владимир Ильич русскую классическую литературу за демократичность ее лучших произведений, за яркое отображение в них богатств народного духа. Еще в своей знаменитой работе «Что делать?», выдвигая тезис — роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией, — Ленин писал: «А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов: пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...».

Резко критикуя проявления нигилистического отношения к сокровищам отечественной и мировой культуры, Ленин подчеркивал, что марксизм, как идеология революционного пролетариата, никогда не отбрасывал ценнейших культурных завоеваний предшествующих эпох. Марксизм усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Ленин указывал, что только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, работа, одухотворенная практическим опытом диктатуры пролетариата, обеспечит развитие подлинной социалистической культуры.

Советские люди строят свою жизнь, свой труд и быт, свою культуру по Ильичу. Ленин живет в сердцах миллионов рабочих, колхозников, интеллигенции. Он живет в нерушимой братской дружбе народов Советского Союза, в их сегодняшнем творческом труде и в мечтах о будущем. Ленин живет в великих делах Коммунистической партии, неизменно побеждающей и побеждающей своею верностью ленинизму.

Следуя по указанному Лениным пути, партия под руководством Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным привела народы нашей страны к победе социализма. Ныне решается задача дальнейшего мощного развития производственных сил социалистического общества, подъема материального и культурного уровня жизни советского народа, осуществляются мероприятия, необходимые для постепенного перехода от социализма к коммунизму. Путь строительства коммунизма никем еще не изведан, мы первые прокладываем его. Наш верный компас на этом пути — ленинизм, великое, вечно живое, жизнеутверждающее учение.

Возглавляя борьбу советского народа за построение коммунизма, партия, как и прежде, считает своей главной задачей, дальнейший подъем тяжелой индустрии, составляющей прочную основу всего народного хозяйства и несокрушимой обороноспособности Родины, источник неуклонного роста благосостояния трудящихся.

— Это правильно, это по-ленински! — с удовлетворением говорят советские люди, единодушно одобряя генеральную линию партии.

Всеобщее горячее одобрение вызывают и заботы партии и правительства о подеме сельского хозяйства, об освоении огромных массивов целинных и залежных земель, об укреплении колхозов руководящими кадрами.

— Это тоже по-ленински! — отмечают наши люди, радуясь тому, что еще крепче становится союз рабочего класса и колхозного крестьянства, что меры всенародной помощи сельскому хозяйству уже начинают давать ощутимые результаты.

Партия ставит своей задачей бороться за изобилие духовной культуры для народа, обеспечить дальнейший подъем науки, дальнейший расцвет многонациональной советской литературы и искусства, добиться усиления всей идеологической работы в массах. В этом советские люди также видят выполнение бесмертных ленинских заветов.

Наши успехи во всех областях народного хозяйства и культурного строительства — постоянные значительные. Но они не дают оснований для самоуспокоенности и тем более для зазнайства. Против чего решительно предупреждал Ленин. Он учил не закрывать глаза на недостатки, трезво оценивать их и исправлять делом. Это в полной мере относится и к нашей художественной литературе. Несмотря на бесспорные свои заслуги, она, как это было отмечено в приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду писателей, во многом еще отстает от бурно развивающейся жизни, от запросов читателя, выросшего политически и культурно. Ликвидировать это отставание, создать произведения, достойные великой эпохи строительства коммунизма, произведения, одухотворенные жизнеутверждающими ленинскими идеями, проникнутые ленинской любовью к народу и ленинской непримиримостью ко всему косному, обветшавшему, антиобщественному, противоречащему коммунистической морали, — долг наших писателей.

С безграничной сыновней любовью к своему вождю и учителю празднуют народы Советского Союза и трудящиеся всего мира 85-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Обращаясь к нему, словно к живому, великому своему современнику, наши люди говорят:

вашим товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем!

Весна человечества

Все так же, наверное, таяли
Снега и коржился лед,
И птицы
несметными стадами
Держали обратный полет,
И там,
Где по-русски воспрянула
От зимнего гнета река,
Родился в семье Ульянова —
Ильич,
безмятный пока.
Не вызвало это событие
Вниманья тогдашней Земли.
Родился,
и сына
родители
Владимиром нарекли.
И годы —
к вершинам Истории,
Где — Ленин и ленинцы с ним,
И наши народы,
которые
Сроднились под флагом одним.
И наши призывы стоустые,
И грозных сражений страда,
И мир,
и, не знающий усталости,
Сегодняшний лагерь труда.
И твердость,
И дали весенние,
И вечный полет коммача...
И все это —
счастье рождения
Владимира Ильича!
Сергей СМЕРНОВ

Д. ГРАНИН

НАШ ЛЕНИН

Люди моего поколения не видели Ленина живого. Мы были детьми, когда он умер, и лишь много лет спустя осознали величину утраты. Мы росли, и Ленин становился для нас все более живым.

Юность моего поколения — это тридцатые годы. Мы стояли в очереди за керосином, матами, детекторные приемники, мечтали бежать на строительство Комсомольска. Вступать в пионеры было тогда не так-то просто, и те, кто получал красный галетку, торжественно обещали быть верными заветам Ленина. Впервые произносили мы это имя с чувством долга. Заветы Ленина представлялись нам тогда очень просто: уничтожить мировой капитализм, учиться и помогать комсомольцам.

Мы переходили из класса в класс, росли, и вместе с нами росло наше понимание Ленина. Это был тот редкий случай, когда со зрелостью росло восхищение. Лучшие из пионеров поступали в комсомол. Нам вручали комсомольские билеты, где на стальном цветке обложке был отпечатан ленинский силуэт. Ленин — вождь мирового пролетариата — все больше становился нашим учителем, советником. Мы переставали его звать по имени. Мы переставали его звать по имени. Мы переставали его звать по имени.

Наше восприятие Ленина, его учения, его мысли и чувства, которые он вызывал в юности. И не смог. Не смог потому, что она сразу вызвала новые, сегодняшние мысли и чувства, заслонившие прошлое.

Большинство студентов нашего курса стремились на кафедру гидростанций. В те годы энергетика была в центре интересов народа, страна закладывала фундамент тяжелой индустрии, только что был открыт первый пуск Днепростроя. Среди наших преподавателей были участники разработки плана ГОЭЛРО, работавшие вместе с Лениным. Мы процпали им за это все их недостатки. Впрочем, надо признать, и не зная мы ничего о прошлом этих ученых, они все равно чем-то выделялись бы для нас; эти люди отличались какой-то пленительной близостью к жизни, смелостью, широтой.

Помнится, один ученый заметил, что кто хоть раз пришел в соприкосновение с человеком гениальным, у того духовный масштаб изменен навсегда, тот пережил самое интересное, что может дать жизнь.

Только в институте мы по-настоящему поняли, почему план ГОЭЛРО называют ленинским, мы узнали Ленина-энергетика. Ленин говорил, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод... Вот так, через расчеты плотин и аппаратов мы по своему шли к пониманию Ленина. Надо было поучиться над схемой маленькой сельской электростанции, для того чтобы оценить подвиг вождя-строителя. Надо было изучить десятки дисциплин, чтобы постигнуть величие плана ГОЭЛРО. Надо было освоить

законы атомной физики, чтобы постигнуть глубину философии «Материализма и эмпириокритицизма».

За каких-нибудь два десятилетия родник ленинской мечты превратился в могучую реку. Этот поток вообрал в себя труды миллионов людей, воодушевленных ленинским замыслом. Мысленно мы поднимались от устья его к истоку... Осенью 1920 года в Советскую Россию приехал Уэллс. Любопытство крупного писателя, ослепившего подозрительное мелкое буржуа — хаос разноречивых чувств охватило этого человека, когда он шел по опустелым улицам Петрограда с заколоченными витринами, угрюмыми домами. Оборванные люди раздирали торювые мостовые, чтобы топтать пачи. Но в Доме науки Павлов и Карпинский говорили с Уэллсом не о хлебе. Они жалели о том, что благодаря лирика их иностранных журналов. Композитор Глазунов сетовал на то, что подходит к концу запас нотной бумаги. Уэллс обещал им помочь. Нет, он вовсе не был настроен враждебно к советской власти. Наоборот, многого не понимая, он относился сочувственно к главному, считая, что «коммунистическое правительство» — единственно возможное в России.

В Москве Уэллс встретился с Лениным. Разговор, естественно, зашел о плане электрификации России, об этой «электрической утопии», как писал Уэллс. Знаменательно это место из книги Уэллса «Россия во мгле»:

«Можно ли вообразить более смелый проект в обширной плоской стране, с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ничтожным развитием техники, и с умирающим промышленностью и торговлей... И лично много пологого представить себе не могу; но этот маленький человек в Кремле, повидимому, может; он видит, как пришедшие в упадок железные дороги будут заменены электрическими, видит, как вся страна покроется сетью дорог... Он говорил с таким жаром, что пока я его слушал, я почти поверил в возможность этого».

Глава носит примечательное название: «Кремлевский мечтатель». При всей своей тогдашней доброжелательности, при всем уважении к Ленину Уэллс, вернувшись в Англию, освободившись от непосредственного воздействия ленинских слов, сам пронизывал над своей доверчивостью.

История сыграла злую шутку с Уэллсом. Автор превосходных научно-фантастических романов, человек с всемирной славой талантливого фантаста, он беспомощно сложил крылья своего воображения, столкнувшись с ленинской мечтой. А ведь это было в те дни, когда кашинские крестьяне уже писали «кремлевскому мечтателю» письмо:

«...14 сего ноября состоится открытие электрического освещения в селении Кашино, на какое покорнейше просим прибыть, разделить ту радость, которую мы ощущаем при виде электрического освещения в крестьянских хатках, о котором при власти царей крестьяне не смели думать...».

А во Владимирской губернии к 7 ноября 1920 года уже было построено 59 таких сельских электростанций.

Уже гремели взрывы на Волхове, строились рабочие бараки Свирьстроя... Это был 1920 год. Что бы сказал Уэллс, если бы услышал разговоры Ленина с учеными-электриками в 1918 году? С севера наступали

войска англо-американских интервентов, японцы захватили Приморье, с юга двинулась войска Деникина, Корнилова, Бранснова, на Украину хозяйничали германские империалисты. И мобилизуя все силы для защиты революции, Ленин подчитывает мощности Иматы, Невы, Волхова, Свири и решает: «Волхов строить». На заседании Совнаркома в мае 1918 года под его председательством рассматривается вопрос «об отпуске средств для Свирьстроя и на разработку торфяников Северного района».

Какая вера, какая сила воображения позволили ему различить сквозь этот страшный год будущие огни Волхова и Свири? Да, он умел мечтать смелее и заглядывать дальше любого фантаста.

«Откуда же было в такой стране, — говорил он, — начать социалистическую революцию без фантазеров?».

Чтобы в тех условиях мог возникнуть план ГОЭЛРО, мало было воображения. Нужен был еще и организаторский гений Ленина.

В 1920 году была создана Комиссия по электрификации России под председательством Кржижановского. Она объединила около двухсот ученых, составивших впоследствии цвет советской науки. Среди них были люди, которые многие годы бесплатно стояли в двери царских департаментов со своими проектами и предложениями. Графтин, Угрюмов, Классон, Круг, Кузельский, Шателен, Александров — мы учились по их проектам и учебникам, и по сей день советские энергетики пытаются их идеями, рожденными в те пламенные годы под буроражающим влиянием Ленина. Электростанции на солнечной энергии, на энергии морских приливов и отливов, использование энергии ветра, электрифицированные железнодорожные магистрали. Елиная Высоковольная Сеть страны... В книге И. Степанова об электрификации, в которой Ленин писал предисловие, уже тогда, в 1922 году, выдвигалась проблема использования атомной энергии... Ленин, как никто, умел собирать вокруг себя специалистов с «загадом».

Не только иностранцам, но и кое-кому из соотечественников не верилось. Электрификация обыватели называли «электрорифцией». На пути плана ГОЭЛРО воздвигали завалы опасений, панических тревог, коварно-демагогических измышлений:

— Вашими утопиями об электростанциях не зажжешь и одной керосиновой лампы! Лучше бросим все силы на нефтедобычу и наладим производство керосина.

— В южных губерниях голод. Тысячи людей умирают, а вы хотите наши несчастные крохи продовольствия отправить на стройку электростанций! Вместо того, чтобы послать их в Донбасс, на железные дороги, в мастерские...

— Каждый пуд железа, потраченный на строительство ваших электростанций, это — недоданные деревне пуги и бороны. Ваш план будет ослаблять нас, а не усиливать!

Ленин беспощадно расправлялся с подобной оппортунистической болтовней, разоблачая врагов партии, борющихся против плана ГОЭЛРО.

Боевая история этого плана учила нас различать политику и за нашими формулами и проектами. Постепенно мы начинали

чувствовать себя пополнением, которое спешит на помощь главным силам, ведущим бой.

Ленинское понимание электрификации не ограничивалось строительством электростанций. План ГОЭЛРО стал планом передачи всей страны. Он стал второй программой партии — вторым ставящим формулы коммунизма. Маркс первый понял революционную силу электричества. Ленин реализовал ее.

Навстречу ленинскому плану в десятках губерний России поднималась народная инициатива. Нафос ленинских идей толкнул рабочих первой петроградской электростанции начать опыты по электропахоте. В мае 1920 года два старейших, оборудованных электромоторами трактора, влоца за собой кабели, двинулись по Полотовскому полю. За сутки они вспахали 15 десятин...

Ленин требовал вести преподавание плана ГОЭЛРО во всех учебных заведениях. Он был неутомимым, искуснейшим пропагандистом электричества.

В наших учебниках физики не было формул или законов, открытых Лениным. Но наша советская электротехника обязана ему не меньше, чем Фарадею или Яблочкову.

Не грустят «мелочами», засучив рукава, Ленин влезал за осуществление плана ГОЭЛРО. Ему приходилось заниматься тем, чем сегодня занимают рядовые инженеры и техники рядового строительства, тем, чем занимались мы, окончив институт. Он выяснял, в каком положении находятся заказы Каширстроя на кабель, провод, реостаты, требовал отпустить стройке брезентовые палатки. Это было время, когда строители Волхова и Свири не имели ни гвоздей, ни кирпича, ни бревен, а главная — не имели хлеба. И все-таки они строили. Это было время, когда Ленин лично решал вопрос о каких-нибудь четырех вагонах хлеба для строителей Кашира.

Великое и малое, близкое и далекое, умение убеждать и умение поуждать — великоценно сочетались в его работе. Он рассматривает проект образования Федерации Закавказских республик, пишет записку о материалах для Кашира, следит за продвижением вагонов №№ 771, 167 и других, идущих в Кашир из Петрограда, выступает с блестящей статьей о вышке белогвардейца Аверченко. Среди потока дел военных, партийных, международных, выступая на конгрессах Коминтерна, разрабатывая вопросы теории, налаживая работу государственного аппарата, он ни на минуту не упускает дело электрификации. Он помогает строителям Волхова, Свири, Шатуры, Иваново-Вознесенской ГЭС, едет на открытие электростанции в Кашино, выступает перед крестьянами с речью о значении электрификации. Он в курсе всех работ Классона по созданию «Гидроторфа». Он помогает Графтин, требует безжалостно предавать суду волокитчиков, тормозящих снабжение Волхостроя. И тут же с типично ленинской заботливостью просит командировать на стройку врача, так как возможны заболевания холерой.

Для него одно продолжалось другое, потому что все это было связано, пронизано одним делом — строительством коммунизма.

(Окончание на 2-й стр.)

НАШ ЛЕНИН

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Это не только разносторонность гения и не только гигантская работоспособность. Это — кипение самой жизни, это — какой-то бурлящий целебный источник, в который стоит мысленно окунуться, и сразу исчезает усталость, становится стыдно за себя, за то, что так мало делаешь, так медленно работаешь, за то, что позволяешь себе хныкать, жаловаться на трудности...

Когда мы слушали лекции Графтио, Шателена, когда нам, молодым инженерам, приходилось встречаться с Винтером, Веленовым, мы словно ощущали в них ленинский заряд, полученный тогда, в дни рождения плана ГОЭЛРО. Он сохранился навечно, этот заряд, в дерзком смелом инженерном решении Графтио, в широком, поднятых Александровым, он облетел ныне в железобетон Днепрогэса, Свирь, Чирчик, Углича. Тогда вырос отряд советских энергетиков, ученых ленинской закалки, ленинского призыва, под стать его замыслам. Тогда были выкованы традиции и принципы, реализуемые сегодня на строительстве волежских станций, Ангары, Каховской ГЭС.

8 ноября 1927 года в фундамент будущего Днепрогэса была заложена доска с надписью: «...в день десятилетия Октябрьской революции, по исполнению завета вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, усилиями трудящихся масс первого в мире рабочего государства Союза Советских Социалистических Республик, заложена... Днепрогэская гидроэлектростанция...». Посреди Днепра на скале «Любовь» взвился флаг: «Днепрострой начат!».

Американские специалисты твердили: «Если бы у нас в Америке такое строительство намечали в такие сроки, то мы бы сказали, что наша страна слишком бедна, чтобы это выдержать».

Даже когда Днепрогэс был готов, они не переставали удивляться. Они смотрели, как молодежь обступила руководителя стройки, требуя не откладывать пуск станции на после 1 мая, и говорили, что в Америке это невозможно.

Несколько лет назад я побывал на восстановленном Днепрогэсе. Он открылся передо мной таким же, каким сохранился в памяти со студенческих времен. Золотым пунктиром отной протянулась сводчатая гигантская дуга плотины. Внизу у здания ГЭС упрямился обесцвеченный Днепр. Утром я увидел станцию. Знание было выстроено из того же розового армянского туфа. Оно было точно такое же, как прежде, и еще более прекрасное. Оно предстало как символ бессмертия ленинских заветов, и только на берегу появилась могилка. Здесь был похоронен неизвестный солдат. Он погиб, успев предотвратить взрыв плотины, подготовленной отступавшими фашистами.

...Наверное, о своем Ленине могли бы рассказать люди многих профессий. Например, радисты. Стоит вспомнить помощь и внимание, оказанные Лениным инженерской радиолоборатории М. А. Бонч-Бруевича. А сколько других отраслей науки, техники, сколько замечательных имен связано с его памятью — Павлов, Тимирязев, Жуковский... Все, что было частью того, что было в России. Крупнейший американский электротехник К. Штейнберг написал Ленину, что его восхищает удивительная работа по возрождению России, и предлагает свою помощь советским энергетикам.

И у нас, у литераторов, есть свой Ленин. Учение его о партийности литературы входит в повседневную писательскую работу, как математика — в труд инженера.

Ленин не случайно на вопрос о профессии отвечал: литератор. Он писал каждый день, в любых условиях — в шалаши у Разлива, притиснувшись на ступеньках сени у врата Конгресса Коминтерна; статьи «Пролетарская революция и ренегат Каутский» была написана после ране-

ния, в Горках, за крохотным туалетным столиком.

Можно перебирать его любимые мелкие заметки на полях книг, письма, случайные записки, наспех набросанные во время какого-нибудь заседания, — и верду верные и точные слова, бывшие в самую суть. Что же говорить о докладах, статьях, которые он имел возможность писать. Людям, работающим над словом, хорошо известны муки рождения слова. Но у этого человека суть дела настолько запечатлела всю его душу, что слова приходили сами собой.

И тут нельзя не сказать о том, как мало наше литературоведение сделало для изучения ленинского наследия. У нас до сих пор нет исследований о языке произведений Ленина. Да и в художественной литературе, если взять прозаические произведения, нами сделано непростительно мало.

А ведь даже то, что мы называем личной жизнью, — был Ленин, его вкусы, увлечения, привычки, его любви в детях, его манера одеваться, его поведение в часы, когда его ранили, и потом, во время бодрости, — все эти интимные человеческие качества, казалось бы, никак не зависящие от общественной деятельности, — они у Ленина дополняли его облик вождя. Образом своей жизни он учил нас не меньше, чем своими трудами.

Каждый из нас, вероятно, представляет себе Ленина по-своему. Каждому близки и дороги какие-то отдельные его черты. Даже люди, не читавшие ни одной строчки из его сочинений, имеют свой отвлеченный родной образ Ленина. Люди самых разных профессий — инженеры, профсоюзные работники, писатели, астрономы, колхозные агитаторы, дипломаты, экономисты, химики, педагоги — в течение трех с лишним десятилетий нашей советской жизни черпают из ленинских томов мысли, идеи, доказательств.

Люди, без различия специальности, прибегают к помощи Ленина, воспитывая детей, боясь со своими слабостями, мечтая о счастье, о будущем.

Ленин велик тем, что он близок и понятен каждому. И нужен каждому. Когда мы нужен пример скромности, я думаю о Ленине. Когда надо признать свою ошибку и нет сил это сделать, я вспоминаю, как Ленин умел не шалить себя, своих ошибок, вспомню бесстрашие его правды. И думаю о нем, когда мне нужен образец принципиальности, неприятия милости миропознания, и заботы о человеке, и умения читать книги, и моральной чистоты, и дисциплинированности, и жизнерадостности.

И все это не набор абстрактных идеалов. Всякий раз Ленин возникает живым, неповторимым, осязаемым во всей реальности, самым простым и человеческим человеком.

...Вечером, когда на Ленинград опускается дылово-дымная сумерка, выхватывают перенги фонарей на проспектах и дворовыми квадратами загораются витрины, гордо словно вздымают над собой темное небо, у Финляндского вокзала бронзовый Ленин, стоя на броненосце, видит Неву, заводские корпуса, золотые стоббы огней, луч проектора с «Авроры». Рядом с ним поднимались новые дома рабочих Выборгской стороны. Одно за другим загораются окна их квартир. И мне почему-то вспоминается, что восьмидесять пять лет тому назад, в год, когда родился Ленин, в мире не было еще ни одной электрической лампочки.

Завоев электрических огней встает над всем Ленинградом. И в каждой из миллионов ламп, в каждом обороте моторов, в движении троллейбусов есть энергия Волхова и Свири, в сиянии кремлевских звезд — энергия Башширы и Шатуры, в грохоте заводского слябника — энергия Днепра. Он живет с нами, Ленин, в этом свете, скрывающем бескрайние дали «электрической России» — нашей Родины, он живет в нашей работе, в нашей любви и ненависти, в наших мечтах о будущем.

Зодчий грядущего

Из поэмы «ЛЕНИН»

...Кому не известен уверенный жест Руки, что взметнулась так смело вперед, Руки, осеняющей тысяч мест: Колхозы, турбины и новый завод! Кто знает глаза правдивей и зорче И сердце, где пламени больше живет? Тебя называют грядущего зодчим!

Ты учишь нас взором и жестом своим, Что путь наш не должен идти

...мелководьем, чтоб лени о нем слагались так таким, Ты учишь: пусть будет светло кругом, Пусть будет праздник света и счастья Не только здесь, где стоит твой дом, А там, вдали, где еще ненастье, Где еще недоверчивы мысли и лица, Где много страдали простые люди,— Пусть будет школа, ясли, больница, Мост, урожай пусть обильный там будет! Глупцы лукавят и зло кричатют, Плюются ложью, подозревают... Но Ленина дети

жизнь строят такую, Что правду, как зеркало,

И нет на свете такой руки, Чтоб зеркало это разбить в куски! Товарищ Ленин!

Нет, ты не спишь, Ты с нами, ты бодрствуешь,

Ты видишь, кирпич кладут на кирпич, И утро сверкает новою краской! Нет! Ты не спишь, ты видишь, Ильич, Сиянье звезды над Башнею Спасской!

Х. ЧАТТОПАДХАЯ (Индия)

Перевел с английского Юрий ХАЗАНОВ

В родном городе

Жили мы на юге Украины, В небольшом уютном городке, Где акacias снежные вершины, Где белеет парус на реке.

Мой отец, простой портняжный грузчик, Двадцать девять лет таскал мешки. Широко плеч его могучих Любовались даже моряки.

Элеватор у воды бессонной! На заре отец шагал сюда — Разгружать товарные вагоны, Нагружать торговые суда.

Он трудился, силою играя, И за лишнюю грош от всех тайком, Шел грузить, погрузив Николаев, В города соседние пешком.

Знал в Одессе, кто бывал у моря, А в Харкове — каждый паренек Грузчика Лысанского, который Поднимал, как перышко, мешок.

По отвесной лесенке портовой, Узкой, шепот, он поклажу нес, И легкая миска восьмилетней Неподвижно, будто в плечи врос.

Счастья не просил отец у Бога, Не пытал и не молил судьбу. Правда, верил, да и то — немного, В кулу, лежавший на его горбу.

Так работал, что в глазах плясало И пересыхало все во рту. Но зато раз в сутки ел он сало С жингачом. И тут же спал в порту.

Жизнь его цветами не встречала, До всего дошел своим путем. Он поверил в Ленина сначала, А в себя поверил он потом.

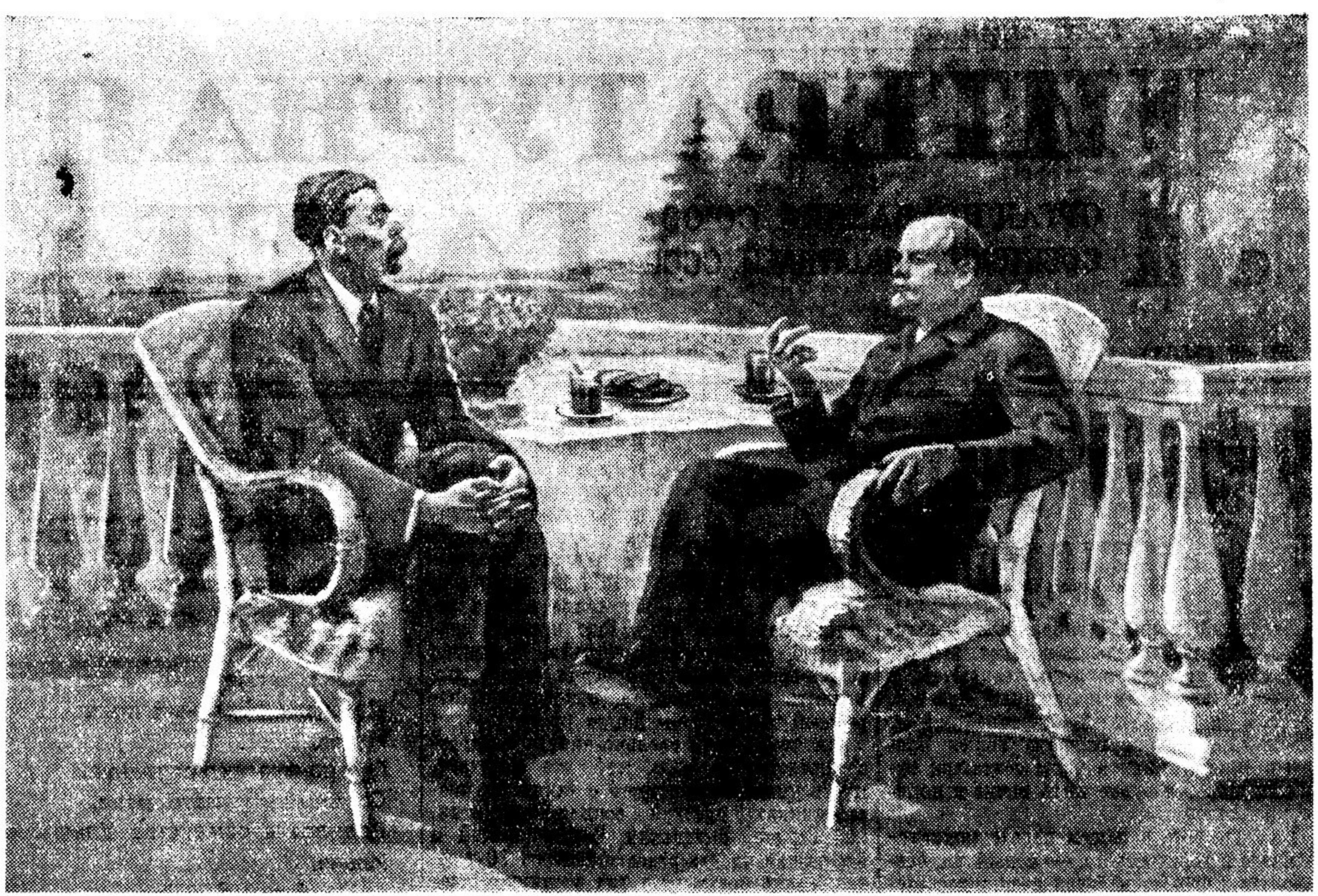
Никогда отец его не видел, Но, полагая, как бунтовщик, в тюрьму, Он привык так все свои обиды Поверять лишь Ленину — ему!

А когда «Авроры» залл набатом Над Россией грозно прозвучал, Мой отец ушел на фронт солдатом, Ленинскую правду защищая...

Мне простят, что слишком затянулся Мой рассказ от первого лица. Много лет прошло... И я вернулся

В город детства, словно в дом отца. Снег акacias, Улицы прямые. Старый николаевский причал. Здесь я имя Ленина впервые От отца родного услышал.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

В. И. Ленин и А. М. Горький в Горках.

С картины художника В. Ефанова

СОЗДАТЬ величественный ленинский портрет — этой мечтой были вдохновлены основоположники советской литературы, поэты революции, летописцы ленинской эпохи — Горький и Маяковский. Пройдут века, а к великой и благородной теме — к ленинской жизни — будут возвращаться все новые поколения поэтов, писателей, мастеров искусства всех народов мира.

В апрельской книге «Нового мира» в переводе на русский язык напечатаны три поэмы о Ленине выдающегося армянского поэта Егизе Чаренца, написанные еще в 1924 и 1925 годах.

Поэмы Чаренца — сердечный, задумчивый рассказ о великом вожде российского и мирового пролетариата. Они полны высокой поэзии, которая рождена глубокой любовью к Ленину, мудрому учителю, близкому другу всех трудящихся людей. Своими жанровыми особенностями поэмы Чаренца не схожи с замечательной поэмой Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Но, читая Чаренца, все время вспоминаешь Горького и Маяковского, ибо они первые продолжили всей многонациональной советской литературе правильный путь к раскритикованной ответственности: Ленин — это величайший исторический деятель, организатор величайшей революции и в то же время близкий, родной, «самый человеческий человек». Такой жизненно правдивый образ вождя создал и Чаренц.

В поэме «Дедушка Ленин» (перевод М. Максимова) рассказывается о выступлениях Ленина в Москве на Красной площади. События предомысливает сквозное восприятие мальчика Вани. Он — сын московского рабочего, идущего по зову партии, по зову Ленина на фронт. Мальчик очень хочет увидеть «дедушку Ленина». И вот его мечта сбывается: мальенький Иван попадает на Красную площадь.

И как будто весь мир подарили Ивану: С трибуны — Да, с дощатой трибуны, которая очень

близка, — Ленин речь говорит, обращаясь к солдатам коммуны, К уходящим на битву рабочим войскам. Над штыками, что встали стальною стеной,

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Показался Ивану знакомым. Показалось Ивану — и это на правду — Что и Ленин его хоть невозможно знает, быть может...

В небольшом по размеру произведении Чаренцу удалось убедительно, лирически и выразительно рассказать о единении Ленина и народа. Поэма заканчивается общающей строфой, как бы последним мужественным аккордом яркой и цельной поэтической вепи:

А Иван все мечтал: вот он вырос, и гордый собой, Он идет среди летчиков, плечи расправив свои... Он мечтал и не знал, что Ильич в те минуты на бой Провожал и его, — начинались налоги бон!

Другое произведение Чаренца из цикла его произведений о Ленине — «О Владимире Ильиче, мужике и паре сапог» (перевод В. Валасан) — вряд ли можно назвать поэмой. Это скорее баллада, с присутствием лаконизма и четкостью сюжета. Ночью в Кремле работает Ленин. Он получил тяжелые известия с фронта.

Сидит он, Пишет, нахмурил брови, Перебирает, листает, в шкипе шарит. Лунчища со светом настольным вровень Огромного лба полшарее.

Стремительно и настойчиво работает неутомимая ленинская мысль. Все выше горы забот и дум. Ильич дробит их и, зная, размалывает. А время проносится, как самум, А времени мало!

Но что это? Рядом какой-то спор. Басят во весь голос... Ну и народ!

Оказываются, в Кремль к Ленину пришел крестьянин-делегат из Сибири, приехавший в Москву за косилками и паугами. Мужик нуждается в паре сапог. Выпрашивал не у чужих. Сказали — нету, никто не помог. Похлопали разве что

Вот он и пришел к Ильичу. И в вихре неотложных дел, в полосуальном напряжении умственной работы

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин руку простер, Как с портрета, висящего дома. Вот он — рялом, знакомый, родной, Даже голос его

Ленин о книгах и писателях

Когда Владимир Ильич пожелал, чтобы ему была устроена библиотека в Совнарком, он составил список, в который вошли следующие писатели: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Майков, Некрасов, Лесков, Д. Н. Толстой, Грибоедов, Л. Успенский, С. Т. Аксаков, Салтыков-Щедрин, Левитов, Колтыков, Тютчев, Григорьев, Тургенев, Помяловский, Фет, Апухтин, А. Б. Толстой, Чехов, Златовратский, Козьма Прутков, Надсон, Короленко, Мережковский, Радищев, Писарев, Добролюбов...

Владимир Ильич обладал громадными знаниями в области художественной литературы. Его генеральные статьи о Д. Н. Толстом, которого он сумел так хорошо понять, связать с эпохой, с революционным движением рабочих и крестьянских масс, дают нам яркое представление о том, как рождал Владимир Ильич сложные проблемы литературы.

Еще в Женеве не раз Владимир Ильич говорил, что ему хотелось бы написать подробный разбор некоторых произведений И. С. Тургенева. Мы знаем, что он часто цитировал Тургенева, делал сравнения с персонажами из произведений этого писателя, например, с Воробьяниновым из романа «Дым». Многие другие ссылки на Тургенева показывают, что он глубоко продумывал образы, созданные этим замечательным художником.

Известно отношение Владимира Ильича к М. Е. Салтыкову-Щедрину, которого он, впрочем, более всех любил из беллетристов. Свыше 400 раз Владимир Ильич цитировал в своих работах этого гениального писателя-общественника, революционного демократа. Отдельные образы и характеристики, созданные Щедриным, вошли в собственный язык Владимира Ильича.

Часто обращался Владимир Ильич к Н. А. Некрасову, которого, несомненно, любил и считал одним из самых главных и лучших поэтов эпохи «Современника».

В рабочем кабинете Владимира Ильича в Совнарком, за столом, около которого стояла и веревка и на самом столе, можно было видеть томик Ф. Тютчева. Он часто переписывал вновь и вновь переписывал его стихи. Я думаю, что надо внимательно изучать те книги Тютчева, которые стояли в собственной библиотеке Ленина при кабинете Совнаркома, так как там, может быть, сохранились отдельные пометки, сделанные Владимиром Ильичем.

Ленин поддержал Горького, когда тот выступил против буржуазной печати, назвавшей в связи с предположением о реставрации постановкой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» реакционной свистопляску. Беспомятно огула Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского. Как известно, в письме к Инессе Арманд Владимир Ильич, резко критикуя декадентский, клеветнический роман В. Винниченко «Заветы отцов», указывал на «...архаическое подражание архиепископу Достоевскому» как на порок этого произведения. Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший большие стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности.

Отношение резко отрицательно к «Бесам», он говорил, что при чтении этого романа надо не забывать, что здесь отражены события, связанные с деятельностью известного С. Нечаева, но и М. Бакунина. Как раз в то время, когда писались «Бесы», Е. Маркс и Ф. Энгельс вели ожесточенную борьбу против Бакунина. Десять критиков — разоблачили, что в романе относится к Нечаеву и что к Бакунину.

Но в общем и целом Владимир Ильич ценит талант Достоевского. Когда речь зашла об этом писателе, Владимир Ильич как-то говорил:

«Не забывайте, что Достоевский был приговорен к смертной казни. Над ним был произведен параварный обряд казни, а после объявлено, что Николай I «вспомнил» его, составив на карательные работы».

«Занимаясь из мертвого дома», отмечал Владимир Ильич, являются непреодолимым произведением русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившим не только каторгу, но и

«смертный дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых. В отчетах «Визитной комиссии», которую Ленин проинспектировал за два года, мы встречаем самые разнообразные художественные произведения, которые он намечал для своего чтения. Особенно выделял он А. Н. Чехова. Владимир Ильич любил читать чеховские рассказы, которые хорошо отобразили действительную жизнь».

Владимир Ильич подробно изучал народническую литературу. Жестко критикуя основы народнического учения, отмечая, можно сказать, не на жизнь, а на смерть с Михайловским, В. Воронцовым и другими теоретиками народничества, он в то же время отмечал глубокое значение таких писателей, как Глеб Успенский. Его «Правды Раствертовой улицы», рассказы из жизни рабочих и беднейшего крестьянства захватывали Владимира Ильича. Он указывал, что вот именно это и нужно давать самым широким массам, именно это и необходимо широко излагать».

Несколько раз Владимир Ильич высказывал уверенность в том, что у нас должны появиться критики и публицисты, которые изучат всю народническую литературу с точки зрения отображения в ней положения крестьянства и рабочего класса. И книга кто-то заметил, что не так-то много найдется таких произведений, Владимир Ильич сейчас же возражал:

«Напрасно вы так думаете. Даже у Златовратского, который так сладко рисовался крестьянством в своих «Устоях», вы найдете целый ряд очерков из жизни рабочего класса, посвященных всевозможным формам пролетарских профессий, которые были современны этому второстепенному писателю. Он начал с описания пролетариата, ремесленников, очевидно, близко знакомого с их средой и проникнув в их социальную жизнь и быт. Не говоря уже о Глебе Успенском, то же самое у Рензиганова, Левитова, Николая Успенского и многих, многих других более мелких писателей, которые детально в «Современнике», «Деле», «Слове», «Нечестивых записках» и других журналах того времени».

Как-то, рассматривая старые журналы в личной ленинской библиотеке, принадлежавшей Центральному комитету РСДРП, Владимир Ильич спросил, знает ли кто-либо из нас рассказ Кокорева «Саввуш-

ТРИ ПОЭМЫ

Ленин — «в глазах» — лукавство и нежность — находит время и для такого, казалось бы, пустякового вопроса, как выдача пары сапог крестьянину-делегату.

О великой любви простых людей к Ленину рассказывает Чаренц в поэме «Ленин и Али» (перевод М. Максимова).

...Тяжелая жизнь у портового лодочника турка Али. Но и у него, жестоко эксплуатируемого, забитого труженника, имеются свои радости и привязанности.

...больше всего Али Любит, любит до слез, Ленина светлый портрет, Который привез

Али страстно мечтает о поездке в Советскую страну, в Москву, великий, необыкновенный город, где живет Ленин.

Был вечер. Прибрежной крошкой Плыла Али лодочка. И вдруг увидел матроса, Пошел за ним по пятам. Чубок рукожат и громко Урусу сказал: «Салам!» Чубок рукожат и тихо Всем сердцем и всей душой Скажет матросу по-русски: «Ленин карашо...»

Но в глазах у матроса Как будто погас огонек, На море взглянул он косо И выдохнул: — Ленин — ёк.

И больше ни слова. Ушел. И в порту — тишина. А на Али сурово, А на Али штурмово Обрушилась горя волна.

Поэмы Егизе Чаренца о Ленине принадлежат к числу лучших произведений многонациональной советской поэзии. Они вызывают читателям живой интерес и выразительность поэтических красок, воссоздают перед читателем исторические величие и человеческое обаяние Владимира Ильича.

Очень хорошо, что теперь, в переводе на русский язык, эти прекрасные произведения станут достоянием всего нашего читателя. Долг украинским поэтам — перевести поэмы Чаренца и на украинский язык.

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

Любомир ДМИТЕРКО

ВЕЧНО ЖИВОЙ

бенно в годы Отечественной войны. — все о больших и больших победах наших папоров...

ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА

В ПОИСКАХ ВЕЛИКОГО ОБРАЗА

Он вошел в сознание с самого раннего детства, в ту смутную, как бы предвещившую пору, когда сказка и действительность еще почти неотделимы и неотличимы друг от друга, и доводило намека, чтобы самому создать легенду, поверить в нее.

И помню дачку на станции Келломяки (теперь Комарово), знойное лето, иступленное липкое дыхание сосновой хвои и смолы, нежнейший запах нагретого песка у моря и тревожный полусонный вздох...

— В Петрограде была огромная манифестация фабричных...

— Говорят, на Невском творилось что-то невероятное, особенно у Садовой. И все с красными флагами! Тысячи, тысячи людей!

— Это Ленин их поднял.

— Все фабричные за Ленина — горой! И чуточку-то заводили встали!

— Да, но он приехал из Германии в запломбированном вагоне!

— Боже, так рисковать! Ехать сейчас через Германию... Ужас!

И вот в детском воображении возник старинный таинственный, грозный, бесстрашный и тем особенно влекущий к себе облик Ленина — человека, за которым идут все фабричные. Уроженца рабочей окраины, и часто видела, какия потоком выходят они из ворот фабрики, где работала дедушка, как их много, — а тут все за одним Лениным. И все идут, и идут, и идут...

И чуточку-то заводили встали за Лениным, — трепетное угрюмое зарево над ними всегда было видно по вечерам из окон нашего дома, что-то тяжелое, огромное ухало и грохотало там так, что было слышно в комнатах, и вот все это встало за Лениным — то, что грохочет, то, что исходит багряное живое пламя! А он ехал через Германию, где царь Вильгельм с его страшными усми и каской и полно совершенно таких же немцев, с которыми воевать все солдаты и наш отец — все Россия, но Ленин не побоялся проехать через эту страшную страну, да еще в каком-то особом, запломбированном вагоне.

...Теперь я знаю, как рвался Владимир Ильич из мещанской нейтральной Швейцарии в Россию, охваченную огнем революции (не могу найти слов, прекраснее этих), революции, не столько уже свершившейся, сколько грядущей. При первых известиях о событиях в Питере Ленин писал А. М. Коллонтай:

«Этот первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним ни только русским».

Я знаю теперь, как пренебрег Ленин «предостережениям» трусов; знаю, как мчался экстерриториальный вагон сквозь окрестности Европы — через Стокгольм — в Петроград, как поздно вечером пришел в Финляндском вокзалу встречать своего вождя петроградский пролетариат, — со всех чуточку-то заводили встали, над которыми уже выдвигалось багряное зарево, с Палевской, Максевской, Тортоновской мануфактур, с Северной верфи — со всех концов города с плакатами и знаменами и как, поднятый на бровнек, Ленин обратился к пришедшим с краткой и страстной речью, закончив ее словами:

«Да здравствует социалистическая революция!».

Социалистическая революция свершилась в Петрограде в октябре того же года. На углу Навольского и Шляссельбургского проспектов горел полицейский участок, а по Шляссельбургскому мчались грузовики, в кузовах которых стояли, опираясь на ружья, рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опасенные пулеметными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты.

И снова имя Ленина не сходило с губ всей Невской заставы. И все легендарнее, все могущественнее представлялся Ленин моему детству.

Потом я стала учиться в школе, росла и, как все школьники, уже знала, что Владимир Ильич Ульянов-Ленин — Председатель Совета Народных Комиссаров — наш вождь и что это он, Ленин, указывает Красной Армии, как победить ненавистных белых, из-за которых мы живем в голоде и холоде и давным-давно без отцов.

Потом, в начале 20-х годов, за Невской заставой (и в нашем старом деревянном доме тоже) впервые загорелись электрические лампочки, и все называли их «лампочки Ильича», потому что Ленин хотел, чтобы всему было светло, и велел строить Волховстрой и другие электрические станции — источники света и силы.

Как великая, порой грозная сила, как великий добрый свет, осознавался образ Ленина моим поколением. Наша любовь к нему, любовь всего народа — стариков, взрослых и детей — была проста, естественна и спонтанна, как дыхание здорового человека. Она была чужда какому бы то ни было культа, не выражалась в славословиях. Она была глубоко человеческа.

Потом, вечно за поэтом, мы, уже пионеры, твердили:

Тенью встает осенний день, выцветает правительственный бюллетень. Нет!

Не надо!

Ильич был тяжело болен.

Смерть его была для нашего поколения тем рубежом, с которого мы из детства шагнули прямо в юность, почти миновав ту тревожную, неопределенную пору, которую называют отрочеством. Мы позорилось и возмужали сразу на несколько лет в тот жестокий морозный день, когда засурбленная, обшлепавшая рабочая окраина — Невская застава — рыдала всеми гудками всех своих чуточку-то заводили и прядильно-ткацких фабрик — всеми sireнами своими, всеми захлебывающимися, прерывистыми гудками паровозов, рыдала навзрыд — скорбно и мужественно.

Мы с подругой стояли на заснеженном нашем дворе, и, слушая снашной траурный гуд, я подумала, что ведь это сейчас гудит и стонет все, вся наша страна.

А металлисты, ткачи, прядильницы, кораблестроители тысячами подавали заявления о вступлении в РКП(б) — Российскую Коммунистическую партию большевиков. Это шел ленинский призыв.

Рабочий класс Петрограда потребовал, чтобы город, где началась первая русская революция и под водительством Ленина победила революция пролетарская, социалистическая, — чтобы город — колыбель революции — носил имя Ленина. И город наш стал называться с тех дней Ленинградом. И наша детская коммунистическая организация юных пионеров также приняла имя Ленина. И в наименовании РСМ — Российской коммунистической союз молодежи — вошло допущение, оно стал называться РКСМ — Ленинский комсомол.

По вечерам после уроков мы ходили в ветхое деревянное здание клуба фабрики «Картонтол», где «старый» комсомолец, 22-летний юноша, объяснял нам устав РКСМ и рассказывал о Третьем съезде комсомола, делегатом которого он был, о съезде, где выступал Ленин с удивительно своей речью, неисчерпаемой по мудрости и простоте.

Мы слушали, затаив дыхание, завидуя участникам съезда, горько досадуя, что «неподалеку родиться», жадно самоотречения и подвига за дело Ленина.

Мы расходились поздними прозрачными осенними вечерами и шли по заставе, полной черемухи, влаги и рожата невидимых мандалин, — еще ни радио, ни патефон не было на Невской тогда. Мы говорили, как будем вступать в комсомол, и о том, есть ли любовь, и о том, как будем учиться и жить, став комсомольцами; мы говорили, что должны быть профессиональными революционерами, как Ильич.

Чем дальше шло время и чем глубже я осваивала, чем яснее понимала подвиг ленинской жизни и величие его учения — в комсомоле, в университете, потом на работе в партии, тем больше сливалась Ленин с Родиной и ее трудом, тем неотделимее становился Ленин и созданная им великая Коммунистическая партия от моей души и мироощущения, от моего лениния. И — как бы сказать точнее? — с каждым годом моей жизни и работы, с каждым новым народным испытанием — или поворотом в судьбу Родины Ленин, со всей его жизнью, обликом и трудами, становился для меня все более живым, не удаляясь, а все приближаясь к сердцу.

Так было и есть со мной и, я знаю, со множеством моих сверстников. Так было, мне думается, со всем народом.

Ежегодно, много лет подряд, день смерти Ильича отмечался торжественно-траурными собраниями, на которых все, начиная от руководителей партии и правительства до рядового председателя колхоза, как бы очищались перед Лениным в том, что совершили после его утраты и что еще предстоит совершить. Это и было его бесмертие.

И вот хоть и переживали мы тягчайшие испытания, хоть и была наша работа по социализму нового общества не только ратной, но и очень трудной, хоть и несли мы безмерные жертвы, — особенно в годы Отечественной войны. — все о больших и больших победах наших папоров...

товали мы ему в годовщины его смерти, все больше жизнью наполнялась каждая такая годовщина. Мы собирались на ленинские вечера не для того, чтобы предаваться скорби, а для того, чтобы говорить о новом и новом торжестве ленинского дела. А это и есть его бесмертие. И бесконечно мудро поступила партия, решив, что мы будем отмечать и праздновать день рождения Ленина. Он родился, чтобы вечно жить в народе.

А для города, посвященного его имя, для Ленинграда апрель — не только месяц рождения Ленина, но и месяц незабываемой встречи с ним у Финляндского вокзала, где был потом воздвигнут известный всему миру памятник: Ленин, произносящий речь с броневика. На памятнике — золотые слова этой речи: «...да здравствует социалистическая революция во всем мире!»

Не все памятники неподвижны. Неотвратимо из них запечатлелось бурное движение. Ленинский броневик вечно мчится вперед, и рука Ленина, поднятая вверх, вечно призывает к подвигу.

Осенью 1941 года, когда гитлеровские фашисты стали жестоко бить и обстреливать Ленинград, памятник Ленину был бережно и надежно обложен мешками с песком и землей, плотно оббит досками. Высокий, похожий на усеченную пирамиду холм скрыл в себе фигуру Ленина и броневик. В страшную и героическую блокадную зиму его занесло снегом — огромный сугроб выскочил перед Финляндским вокзалом. Но мы знали, что в этом безформенном снежном сугробе — Ленин на броневике. Он с нами, и рука его поднята вверх, и он призывает нас к стойкости и победе, и все те же его ленинские слова горят на постаменте. И каждый, кто покидал Ленинград, уезжая с Финляндского вокзала — на фронт ли, на Большую ли землю (а эта железная дорога была единственной тонкой ниточкой, как-то связывавшей нас с Большой землей), прежде чем войти в вокзальное изрубованное здание, оборачивался к сугробу — зимой, к темному холму — осенью и летом и долгим взглядом смотрел на него и видел сквозь песок, землю и доски — Ленина, призывающего к победе. И каждый приближавший в Ленинград человек прежде всего поднимал глаза к этому холму над сугробом.

Весною 44-го года, после разгрома фашистских войск под Ленинградом, после ликвидации блокады, ленинградские памятники стали возвращаться на свои места, освобождались от укрытий.

Первым был освобожден из-под укрытия памятник Ленину возле Финляндского вокзала. В то утро сюда пришла не только те, кому была поручена работа, — сотни ленинградцев, переживших блокаду, пришли к вокзалу, и каждый стремился помочь бригаде поскорее отодвинуть доски, оттащить мешки с песком и землей, расчистить и убрать площадку вокруг броневика. Доска падала за доской, мешки откатывали далеко в сторону. Все больше народа толпилось вокруг. И вот он, наш Ильич, вновь предстал перед нами в чистом осеннем небе — на броневике, в распахнутом просторном плаще, со смонтированной, наспех зашнурованной в карман кофкой, с ружьем, виснутой вверх, — жест призыва и приветствия победившим защитникам города. И когда вечно несущийся вперед броневик стал виден весь, на площади вдруг наступила торжественная тишина, сменявшаяся радостными возгласами, и светлыми слезами, и дружным гулом толпы.

Так вновь встречал у Финляндского вокзала своего вождя победивший город, с достоинством прощались его имя сквозь нечеловеческие муки осад.

...И вот уже почти десять лет, как к ленинскому броневику приходит не только ленинградцы, но только граждане, приезжающие в Ленинград со всех сторон нашей Родины, но и бывающие в нашем городе делегации стран народной демократии, стран, вступивших на путь социализма, к которому зовут с броневика Ленин, — этих стран теперь в мире много: приходят дети великого свободного Китая, герцогской Корей, Германской Демократической Республики, Болгарии, Чехословакии, Венгрии... И все, кто приходит к этому памятнику с любовью к Ленину, с жадной борется за его дело, за мир во всем мире, за его заветы, все они, независимо от года рождения, — современники живого Ленина. Он вечно жив в сердцах тружеников и борцов всего мира.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Воспоминание образа Ленина — громадная задача для художника. В его воображении встает величайший мыслитель и подвижник железной энергии вождя народа. Илларионов, неспящий борец за счастье угнетенных и человеческий из людей, основатель первого в мире государства трудящихся, чуткий, добрый, отзывчивый друг простых людей — людей доброй воли и чистого сердца.

Простота величия и величие ленинской простоты, ясности мысли, целеустремленности действия, человеческое обаяние Ильича — вот черты его образа, его поразительного характера, которые должны передаться художник.

Создавая серию рисунков, посвященных В. И. Ленину, понимая всю сложность этого труда, я вел дневник, делал записи, цель которых — осмыслить, прежде всего для себя, всю многогранность путей, исканий, размышлений о ленинском образе. Вот некоторые из этих записей.

Работая над рисунком к рассказу А. Кононова «Субботник», я рисовал множество поворотов, стараясь найти наилучшее движение для фигуры Владимира Ильича Ленина, несущего бревно. Много было сделано попыток, но ничто меня не удовлетворяло. Один рисунок был статичен, в другом не хватало правдивости, а третьем все было так обычно, что не ощущалось образного, поэтического смысла. Наконец, после долгих усилий я нашел движение, которое, как мне казалось, правдиво передавало зрителю состояние усталости и напряжения, естественного для человека, несущего тяжелое бревно.

Чтоб проверить себя, я стал показывать рисунки друзьям, и все они находили последний рисунок наиболее удачным, но каждый в то же время выражал беспокойство по поводу тяжести бревна. Всем казалось, что бревно слишком большое, что Владимиру Ильичу тяжело нести такое бревно и что лучше его сделать поменьше.

После таких замечаний я брал рисунок и «строго» бревно, облегчая его вес. Потом снова показывал рисунок зрителям. И опять получал такие же замечания — велико бревно.

Пришлось снова сократить объем бревна и сделать весьма сложную поправку к рисунку — больше согнуть руку, охватывающую бревно, и этим создать впечатление меньшей тяжести. Но и о новом варианте зрители говорили:

— А не тяжело?

И, не дожидаясь моего ответа, сами отвечали:

— Пожалуй, тяжело. Надо еще уменьшить бревно...

И я понял: замечания зрителей вызваны не тем, что бревно было чересчур большим и не соответствовало фигуре, а тем, что каждый, испытывая чувство огромной любви к Владимиру Ильичу, хотел бы забыть тяжесть его ноши, хотел бы взызвать ее на себя.

Надать, думать над каждой черточкой, над каждой деталью ленинского образа в искусстве — вот вывод, который сделал я для себя. Нет человека на земле, который смотрел бы на изображение Ленина равнодушно, который не считал бы себя участником каждого его дела, его труда, его подвига.

В 1953 году во время своей поездки в Финляндию я познакомился с Хеллой Вуолиппи, старшим драматургом, которая попросила Владимира Ильича Ленина и рассказала о нем с большой любовью.

В конце 1907 года Владимир Ильич жил под Гельсингфорсом, в местечке Ольбю, и работал в библиотеке, где часто бывала и Вуолиппи. Она рассказала мне, что у нее сохранились даже книги того времени с пометками Ленина, которые она читала перед Ленинской библиотекой. В памяти Хеллы Вуолиппи сохранилось немало подроб-

ностей жизни Владимира Ильича. Она очень охотно рассказала мне, как он сидел, говорил, читал, спрашивал, как он умел читать слушать своего собеседника.

Вниманию Ленина было необыкновенно активно, он как бы поглощал речь своего собеседника, терпеливо вслушиваясь в каждое его слово. Об этой черте Ленина я много раз читал и слышал. Хелла Вуолиппи рассказывала так ясно и образно, что мне, как художнику, поставившему своей задачей воплотить реально ощущаемые, зримые, наглядные свойства Ильича, ее рассказ прибавил силы. Ее живое слово помогло мне ярче ощутить и представить себе образ Владимира Ильича Ленина, его характер в повседневной жизни.

Я записал рассказ одного старого худож-

ника, который услышал в Ленинские дни 1950 года.

В годы гражданской войны этот художник работал инспектором Проднаба. Время было тревожное, и одно качественное обвинение чуть не стоило ему жизни.

— Был я тогда, — рассказывал художник, — молодым человеком, только что вступившим в члены партии. В Москве меня много знали и верили в мою непричастность к тому, в чем я обвинялся. Старые товарищи помогли мне улизнуть и поговорить о моем деле с Надеждой Константиновной Брусковой. Выступая меня, Надежда Константиновна устроила мне свидание с Владимиром Ильичем.

Попал я на прием в ранний час. Пришел, подождал, даже меньше, чем хотелось, — но успел даже себя в руки взять, очень уж волновался. Секретарь говорит: «Пожалуйста, входите». Отворяю дверь. Вижу, Владимир Ильич сидит за столом и быстро-быстро пишет. Как только Ильич услышал, что дверь открылась, отложил ручку, поднялся со стула и пошел мне навстречу.

Надежда Константиновна рассказала мне вкратце нашу историю, — предпринимательно скажал Владимир Ильич, видимо, сразу заметив мое волнение и растерянность. Он подошел ко мне и, наклонив набок голову, внимательно посмотрел в глаза. Затем взял мягко за локоть и привел к столу, усадил. Он взял свой стул и поодлинул его так близко, что нога моя как бы случайно попала в его колени. Взял мою руку, он накрыл ее по-отечески своей теплой рукой и, взглянув как-то снизу прищурившимся взором, сказал: «Ну, теперь рассказывай!».

Никогда в жизни я не ощущал такого огромного человеческого тепла, благородства, чуждого, я как будто оскла и с полным доверием, горячо начал рассказывать Владимиру Ильичу свою историю.

После слов Бонч-Бруевича мне особенно понравилась скульптура Андрея, который своим высоким искусством подтверждал верность высказанных Бонч-Бруевичем замечаний. Именно после этих его замечаний в моем воображении Ильич стал еще более строгим, я начал понимать секрет внутренней экспрессии, энергии, воли Ильича. После этого родились новые рисунки — «Телеграмма», «Пора!», «Одну минуту» и другие.

Работу над образом Ленина я начал в 1940 году после окончания работы над рисунками к книгам «Воспоминания о Марксе» и «Воспоминания об Энгельсе».

Я предполагал, что работа над образом Ленина значительно легче для художника, чем работа над образами Маркса и Энгельса, хотя бы уже потому, что жизнь Ленина значительно ближе по времени, о Ленине собран и сохранен большой документальный материал — кинофильмы, многочисленные фото, скульптуры, сделанные с натуры, произведения живописи, графики. Жизнь его современники и соратники Ленина, которые хорошо его помнят и несут нам живую о нем. Наконец, есть много опубликованных в печати воспоминаний о Владимире Ильиче, его письма, беседы и т. д. Все это, как я предполагал, облегчает работу художника.

Но в трудах Ленина, в каждом воспоминании о нем, в каждой фотографии, в каждом живом рассказе открываются для художника все новые и новые черты, указывающие на то, что глубокое постижение этого образа, его совершенное художественное выражение только начинается. Искусство получило заказ от всего человечества — запечатлеть в пластических образах живое движение одухотворенной мысли, его человечность и памятную любовь к человеку, который было полно сердце Владимира Ильича Ленина — живейшего из живых.

Н. ЖУКОВ

Владимир Ильич Ленин. Рисунок Н. Жукова

История этого необычного дела, в центре которого находится маленькая библиотека, охватывает период в 28 лет. Начало его относится к весне 1917 года. С этой даты мы и начнем наш рассказ.

В один из апрельских дней писатель Адам Гжимала-Селдцекий, в то время директор театра имени Ю. Словацкого в Братове, возвращался с загородной прогулки. Проходя по улице Могильской, он вспомнил о своем разговоре за несколько дней до этого с одним из работников театра. Собеседник сказал тогда Селдцекому, что как раз на Могильской в фруктовом лавочке торговка запаквала ему товар в листы из какой-то русской книги.

Сейчас Селдцекий проходил именно около этой лавочки. Решил войти.

— Просту фунт винограда...

Торговка вырвала из лавочки на прилавке книжки два листа, дошло сверху два кулея и начала накладывать винограда.

— Русский текст? Откуда это у вас, паня?

Женщина сердито посмотрела на клиента:

— Ну, что не украса...

— Ясно, что вы! Я и не думал обвинять вас в краже. Просто меня очень интересуют русские книги. Я хорошо знаю этот язык...

Через минуту на прилавке лежала порционная груда дощатых из угла лавочки томов. Писатель не сменя начал просматривать их: Маркс, Чернышевский, Кауцкий, отчеты Государственной Думы. На полях были какие-то заметки, восклицательные знаки, приписки, текст во многих местах подчеркнут черным и цветным карандашами. С растущим интересом Селдцекий перелистывал страницы, а занятигированная лавочница с изумлением смот-

Поронино — Быдгощ — Москва

рела на него во все глаза: что напел в этих книжках такой созданный пан? И вдруг писатель увидел на титульном листе одной из книг небольшой красный штамп: «Wl. Oulianoff» («Вл. Ульянов»)...

Неужели это из библиотеки В. И. Ленина? Любопытные книжки... нарочито ворчливым тоном буркнул писатель. — Любопытные...

— Ну, смотри для кого! — вызывающе ответила торговка.

— Пожалуй, и для вас, раз вы их купили.

— А вот именно, что не купила! Ясно-вельможный пан думает, что теперь так легко достать бумагу? Я ее получила от шурина, который живет в Мыслицких. А он достал в Поронино...

Теперь все было ясно. Неожиданно во что бы то ни стало приобрести эти книги.

— Не продадите ли их мне? — осторожно спросил писатель.

Неожиданное предложение застало женщину врасплох. Она замаялась.

— А почему бы и нет... пожалуй... Но извольтешний пан завет... теперь так трудно с бумагой...

После продолжительных переговоров лавочница согласилась уступить все книги в обмен на такое же количество хворощи оборточной бумаги. Несколько минут спустя Селдцекий мчался на извозчике в типографию Андича.

Задатке, узнав о необычайном открытии, немедленно раздобыл неохватное количество бумаги. А вечером того же дня Адам Селдцекий, расположившись за своим письменным столом, рассматривал испещренные на полях страницы книг. Сомне-

ния не могло быть: они принадлежали В. И. Ленину. Именно над этими томами сидел Владимир Ильич, когда в хатке гураля в Поронино до утра горел свет...

Так были спасены от гибели бесценные документы. Но еще долгий путь довелось пройти им, прежде чем они попали туда, где им надлежало быть.

В 1931 году Адам Гжимала-Селдцекий жил в Быдгоще. Он отверг обаятельные предложения коллекционеров, библиотек и антикваров Западной Европы и даже Америки. Он решил, что книги не следует хранить в частном собрании и в 1932 году передал их в Быдгощскую городскую библиотеку.

— Я принимал из рук Селдцекого эти книги, — вспоминал тогдашний директор библиотеки а-р Витольд Белза, — ясно отдавая себе отчет, что такой драгоценностью не может похвалиться ни одна польская библиотека... В переплетной мастерской были сделаны специальные защитные чехлы, на которых золотом отгиснутые надписи. Отныне книги находились в нестероидном шкафу. Книга однажды я показал Селдцекому, как мы сохранили их, он остался очень доволен. Попросив лист бумаги, Селдцекий написал на нем: «И передавал эти книги городской библиотеке в Быдгоще с тем, чтобы коллекция, как бесценная реликвия Советского Союза, могла оказаться в его национальном хранилище взамен за равноценную польскую библиотеку из числа имеющихся в Советском Союзе...».

В октябре 1932 года советские исследователи в Варшаве заинтересовались даром Гжималы-Селдцекого Быдгощской город-

ской библиотеке. Убедившись, что книги действительно принадлежали Ленину, дипломатические представители СССР приняли для себя решение путем обмена. Тогдашний министр Енджешевич, который по поручению польского правительства вел эти переговоры, сознательно предвзято советской стороне чрезмерные требования, часто меняя их. А тем време-

Мурму утром 12 октября 1933 года на вокзале в Быдгоще высадился уже немолодой мужчина в штатском платье. Когда через четверть часа он представился работникам городской библиотеки, все тревожно переагудилось. Но ему подчинились и открыли нестероидный шкаф. По ящику прибывшего лави вышли из кабинета. А капитан Станислав Выецкий из 2-го (разведывательного) отдела польского генерального штаба, вооруженный блокнотом, карандашом и лупой, приступил к проверке и осмотру книг из библиотеки В. И. Ленина...

Разведчик, видимо, мало что понял в этом деле: после двухчасового «изучения» он прекратил осмотр, категорически запретил персоналу библиотеки показывать кому бы то ни было «крамольные» книги.

Ни Енджешевичу, ни его преемникам на министерском посту не нужны были сохраняемые в СССР сокровища польской литературы. Тем более им не хотелось передавать Советскому Союзу книги из библиотеки В. И. Ленина. Правда, переговоры возобновлялись несколько раз, но столько же раз и откладывались.

...1 сентября 1939 года, на рассвете,

на Быдгощ обрушились первые бомбы с гитлеровских самолетов...

Перед мной лежит копия секретного донесения, посланного из Быдгоща в ноябрь 1939 года в канцелярию Гитлера. Автор донесения был польский Лягя, гитлеровский директор Быдгощской городской библиотеки. В этом донесении сказано: «Среди них имеются 12 русских книг, которые принадлежали Ленину в период его пребывания в Братове. Эти книги содержат многочисленные рукописные пометки на полях...».

Чего ждал гитлеровский разведчик от канцелярии «фюрера»? Может быть, приказа об уничтожении книг? Но, видимо, в гитлеровском логове было не до этого.

Лягя не знал, что тем временем с коллегией В. И. Ленина происходили удивительные вещи: книги то озабывались на чердаке библиотеки, то в тайнике подвала, а в наиболее опасное время вообще исчезали из здания...

Во второй половине января 1945 года в Быдгоще стала слышна артиллерийская канонада: это приближались части 1-го Белорусского фронта Советской Армии и 1-й армия Войска Польского. Среди оккупантов начался паника — они спешно готовили к вывозу из города все, что представляло какую-либо ценность. Гитлеровцы решили вывезти и городскую библиотеку, но не достигались одного ящика. Польские работники библиотеки, рискуя жизнью, сделали все возможное, чтобы книги Ленина не были отравлены на Запад. И как только Быдгощ был освобожден, они снова вернулись на свое место...

Сессия городского Народного Совета в

Быдгоще 17 марта 1945 года проходила в торжественной обстановке. Это и понятно: в трудное и ответственное время, когда все силы были направлены на то, чтобы поднять из руин город, наладить нормальную жизнь, власти не забыли и о книгах, хранившихся в нестероидном шкафу местной библиотеки. Сессия приняла решение: в знак благодарности Советскому Союзу за освобождение Быдгощ вручить сохранившиеся в буре войны книги из библиотеки Ленина советскому народу. Об этом Народный Совет просил представителей Советской Армии.

29 марта 1945 года был составлен соответствующий акт передачи, а 9 апреля в Маджировом зале отеля «Под орлом» состоялось торжественное вручение представителям Советской Армии 12 книг из личной библиотеки В. И. Ленина. Эти книги являются ценным вкладом в ленинское литературное наследие. В. И. Ленин использовал их как источник для написания ряда своих работ, например: «Полох либералов», впервые напечатанной в газете «Правда» за 28 июля 1912 года; «Аграрный вопрос и современное положение России», впервые напечатанной в газете «За правду» от 15 ноября 1913 года.

...Так десять лет назад закончилось путешествие драгоценных книг: из хатки в Поронино, через чердак гуральской избы в Мыслицких в лавочку на Могильской улице в Братове, оттуда — к писателю Селдцекому, затем в хранилище Быдгощской городской библиотеки и, наконец, в Москву.

Эдвард КАРЛОВИЧ, зам. главного редактора польского журнала «Секта»

ВАРШАВА, апрель

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 48 21 апреля 1955 г. 3

Ленин слушает «Аппассионату» Бетховена

«Ничего не знаю лучше «Аппассионату», готов слушать ее каждый день. Изумительная, чужеземная музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Слова В. И. Ленина, приведенные в воспоминаниях А. М. Горького.

Бородку держит узкая рука.
На локоть оперся. Взмахивает брови,
Как будто видит он издали
Страну неведомую, грядущей нови.

И видно, как трепещет страсти шквал,
Под лбом высоким спрятанный незримо.
Он слушает, и вот уже связал
«Вчера», «сегодня», «завтра» нерушимо.

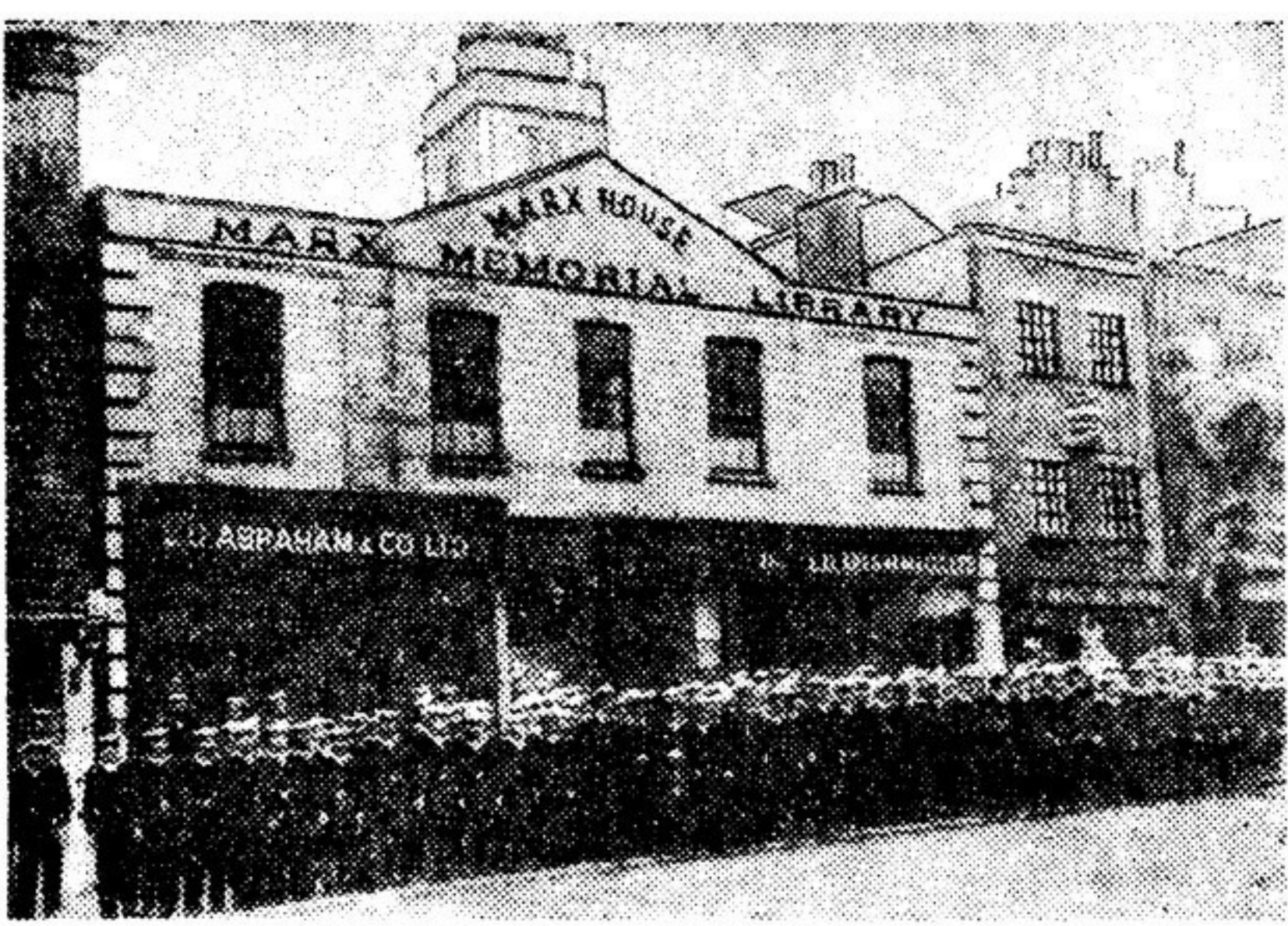
Вперед! Все дальше дерзкое стремление!
Минор, мажор, — и все дрожит, взвизг;
Порыв, и взлет, и бурных волн кипенье,
И вот — встает, как сон средь бела дня,

Картина — бой. Народное восстание.
Растет толпа, тесня своих врагов.
На площадях, дорогах — ликование,
Бурлит река на месте ручейков.

Все выше тон, и ширится напев,
Гремит хоры, могучей страсти полны,
И вот — созвучья, миром овладев,
Режут, хлопочут, как прибой волны...
И Ленин, в море звуков погружен,
Стал улыбаться, как усталый воин.

Макс ЦИММЕРИНГ

(ГДР)
Перевел с немецкого
Илья ЕЛИН

Дом, в котором работал Ленин

«Дом Маркса» («Маркс-хауз») — одно из самых интересных исторических мест в Лондоне, связанных с деятельностью Владимира Ильича Ленина. Это — небольшое двухэтажное здание на площади Кларкенуэлл-грин, в восточной части центрального Лондона. Здесь в 1902 и в 1903 годах В. И. Ленин редактировал газету «Искра».

Здание «Маркс-хауза» и место, где оно расположено, на протяжении многих лет были связаны с рабочим движением. Площадь Кларкенуэлл-грин была в свое время местом собраний чартистов. А в «Кафе Кларкенуэлл», помещавшемся в этом здании в 60-х годах прошлого столетия, происходили заседания Генерального Совета Интернационала, на которых присутствовал Карл Маркс.

Теперь в доме помещаются библиотека марксистской литературы и рабочая школа. Они были основаны в 1933 году в ознаменование пятидесятой годовщины со дня смерти Маркса. Президент библиотеки — известный английский ученый, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» профессор Дж. Д. Бернал. В библиотеке много марксистских книг, периодических изданий и интересных документов по истории рабочего движения, в частности экземпляры первых изданий трудов Маркса, Энгельса, Ленина, комплект ленинской «Искры». На одной из полок — комплекты газеты «Правда» за много лет. В читальном зале библиотеки оборудован стенд-витрина, где выставлены книги классиков марксизма-ленинизма, произведения прогрессивных писателей различных стран мира. В читальный зал часто приходят люди, работающие над изучением марксистско-ленинской литературы.

В «Маркс-хаузе» на втором этаже расположена крошечная, площадью не более восьми квадратных метров, комнатка, которая представляет особый исторический интерес. В этой комнатке в 1902—1903 гг. Владимир Ильич Ленин редактировал «Искру». Каждый, кому дорога память о Владимире Ильиче, с глубоким волнением переступает порог этой комнатки.

Единственное маленькое окно комнатки выходит во двор, и из него видны лишь кирпичные стены соседних домов.

На стенах комнатки — портреты Маркса и Ленина. На подставке — скульптурное изображение И. В. Сталина работы одного из английских скульпторов. В застекленной рамке — номер «Искры» от 1 декабря 1902 г. Под портретом В. И. Ленина надпись на английском языке: «В этой комнатке в 1902 году основатель первого в мире социалистического государства работал над изданием «Искры».

Исторические места в Лондоне, связанные с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина, посещаются рядовыми английскими тружениками и многочисленными советскими делегациями, приезжающими в Англию. В частности, летом 1953 года в исторической комнатке, где работал Ленин, побывали моряки советского крейсера «Свердлов», запечатленные на снимке у входа в «Маркс-хауз».

В. НИКИТИН

С ЛЕНИНЫМ В СЕРДЦЕ

Вспоминаю один из зимних дней 1929 года в Шанхае. Как-то по-особенному холодный был ливень с утра дождь. Пронзительный ветер свистал с ног.

Несмотря на непогоду, мы, двое гимназистов, находились в радостном настроении. Нам повеселилось приобрести две заветные книжки, они продавались нелегально. Одна называлась «Братская биография Владимира Ильича Ленина». На другой значилось: «Наука об экономике». Под этой нейтральной обложкой скрывались избранные произведения Ленина на китайском языке.

В то мрачное время, после временного поражения революции 1924—1927 годов, в стране свирепствовал жестокий чанкайский террор. За эти книжки мы могли тяжело поплатиться. Однако опасность не могла омрачить нашу радость.

В уютной комнатке мы благоговейно раскрыли книгу Ленина. Была темная, тихая ночь. Только по черепишной крыше мерно стучали дождевые капли.

С жадностью поглотили страницы за страницей. В книжке с красным переплетом мы искали ответа на волнующие вопросы. Политически мы были тогда еще слабо подготовлены, часто не сразу усваивали всю глубину ленинских мыслей.

Тускло горела лампочка над нашим столом. Но мы отчетливо видели каждое ленинское слово, казалось, сама книга светилась. Ленин разъяснял, что только пролетариат в союзе с крестьянством, а не буржуазия, сможет довести революцию до конца. Нужна борьба! Пусть она будет длительной и трудной, но она приведет к победе.

В наших сердцах росла уверенность, мужала смелость. Такая смелость помогает молодежи не бояться трудностей, не страшиться преследований и арестов.

Мой товарищ Чжоу Минь, художник, бедно одетый юноша, оторвал лицо от книги.

— Я поеду в Цзянси! — решительно заявил он.

Провинция Цзянси с начала 1929 года была центральной революционной базой. Вскоре я переселился на север. 9 декабря 1935 года студенты пекинских учебных заведений в знак протеста против вторжения японских захватчиков в Северный Китай организовали массовую демонстрацию. Мы, члены левого крыла Союза писателей,

циалистического строительства, — с гордостью сказал нам директор комбината Чехович.

Это еще молодой крепкий мужчина, Он воевал. А после освобождения Польши от гитлеровских оккупантов стал одним из видных руководителей промышленности. Гута — не первый завод, который он строит. Но, пожалуй, это самое дорогое для него детище. Без участия может говорить Чехович о людях комбината, о том, как выросли люди, о новых традициях — они уже складываются и крепнут.

Когда здесь началась стройка, многие крестьяне деревни Могилы были недовольны: нарушалась издавна сложившаяся строй жизни. Но скоро большинство жителей деревни приняло на стройку, они стали рабочими. Многие трудятся здесь целыми семьями. Новая жизнь, индустриальный труд меняют привычные взгляды вчерашних земледельцев на происходящие события.

— Зашел я как-то в доменный цех, — рассказывает Чехович. — У печи стоит рослый, могучий мужчина. Нам такие как раз для кузницы нужны. Спрашиваю его: — Кем работаете? — Простым рабочим. — Или в кузницу, выучившись, будете квалифицированным кузнецом. Но он смеется: — Нет, никак не пойду с нашей великой печи (так на Гуте дому зовут). — Почему? — Потому что она построена на моей земле. Здесь я раньше крестьянствовал.

Слушая этот рассказ директора, я вспоминаю, как строился наш Горьковский автомобильный завод. Трудно было привыкать к нему жителям соседней деревни Монастырки. Но зато с какой гордостью говорили они потом: «Это построено на моей земле».

На Гуте довелось встретиться, беседовать со многими рабочими, инженерами и мастерами, партийными работниками. В основном — это все молодые люди, но встречаются и пожилые рабочие.

На первой дождевой остановке с газончиком Юзефом Миликом. Ему пятьдесят лет. Крепкий, с редкими чертами лица, с посеревшими волосами — восточный казловский рабочий. Устадами лет поступил он на цинковый завод в Катовицах. Завод

БАНДУНГ, 20 АПРЕЛЯ

Бандунг известен не только и не столько своими оживленными нарядными улицами, — это прежде всего город патриотов, сыгравший важную роль в национально-освободительной борьбе индонезийского народа. К югу-востоку от Бандунга, в окрестностях Сингагары, в годы японской оккупации произошли одно из крупнейших вооруженных восстаний против захватчиков. Неудивительно, что именно Бандунг избран местом конференции, призванной объединить усилия народов в борьбе за мир, против колониального гнета.

С утра до глубокой ночи толпится народ на центральных улицах Бандунга, где расположены отели, занятые делегациями, и «Зал Мердека» («Зал Свободы»), в котором происходят пленарные заседания. То и дело на улицах вспыхивают бурные овалы, восторженные крики сотен людей, приветствующих участников конференции. Стоит неслыханно огулушительный шум, режут сирены мотоциклов военной полиции, эскортирующей машины делегаций; репродукторы непрерывно передают указания распорядителей; слышатся отрывистые команды о смене караулов, несущих охрану «Зала Мердека». Через три-четыре шага друг от друга стоят полицейские, сдерживающие натиск индонезийцев, стремящихся все увидеть и все узнать.

литература, которая стала частью общепролетарского дела...

Ленин учил: «...с помощью пролетариата передовых стран остальные страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Руководствуясь этим прозорливым указанием, опираясь на поддержку Советского Союза, китайский народ встал на великий и прекрасный путь социалистического строительства. Он ведет это строительство по законам ленинизма, прогрессивным и подтвержденным всей жизнью и борьбой советских людей. Но учению Ленина мы осуществляем социалистическую индустриализацию, социалистическое преобразование сельского хозяйства. Преобразование Ленина создаем новую культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию...

Ленина читали и читают миллионы моих соотечественников. У Ленина учился и учится китайский народ. Идеи Ленина стали непероборимой силой. Только в 1949 году по март 1955 года в Китайской Народной Республике изданы 72 работы В. И. Ленина тиражом более чем в 4 миллиона экземпляров.

Победа китайской революции — это великая победа ленинизма на Востоке. Китайская Народная Республика стала светочем Азии, и каждая ее победа в социалистическом строительстве вдохновляет миллионы людей, томлящихся еще под игом колониализма.

История вновь и вновь подтверждает гениальные слова Ленина: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

ТЯНЬ ЛАНЬ,
китайский писатель
ПЕКИН, 20 апреля. (По телеграфу)

Многие ждут люди от этой конференции. Они плещут сюда приветственные телеграммы, вручают через своих посланцев меморандумы с требованиями свободы, мира и прогресса. Большое впечатление в Бандунге произвели приветственные послания председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова и руководителей среднеспециальных республик.

Мы благодарны Советскому правительству, которое всегда выступало в защиту угнетенных народов, — заявил в беседе с корреспондентом представитель Северной Африки.

Делегаты и гости выразили удовлетворение яркой вступительной речью президента Индонезийской республики Сукарно. Здесь положительно восприняты речи премьер-министра Индонезии Састромиджо, премьер-министра Египта Насера. Они говорили о самых насущных проблемах, нашлись отражение в повестке дня конференции, — о борьбе против колониализма, высказывались в пользу мирного сосуществования и солидарности миролюбивых стран.

Ниную позицию заняли на конференции адвокаты американского империализма. Они открыто заявляют, что приехали в Бандунг защищать Запад, и делают это в меру своих сил.

Англо-американская печать не случайно боялась Бандунгской конференции. Рассказы представителей национальных организаций Африки Мозес Котейна и Качалиа — это поистине обвинительный акт против колониаторов. Миллионы цветного населения Африки живут в условиях спирного полицейского режима, у них отобраны земли, они лишены права легальных организаций, они не могут избирать и быть избранными в органы власти, им не дано право получить образование, квалифицированную работу. Черные не имеют права сидеть рядом с белыми, дышать с ними одним воздухом.

Заявления представителей Африки произвели в Бандунге огромное впечатление. Но кое-кому они не понравились. Потерял самообладание, в частности, французский корреспондент, воскликнувший истерически: «Вы рассказываете сказки!». Бестактный выходке был дан достойный ответ. «Вам, мысье, здесь, в Бандунге, повидному, жарко, вы бы вышли подышать свежим воздухом», — заявил под аплодисменты большинства корреспондентов представитель Северной Африки. Со ссылками на официальные французские источники он доказал правоту своих обвинений.

Впрочем, в Бандунге иной раз становится жарко не только французским корреспондентам. Атмосфера Бандунга приходится не по душе господам из Америки. Собралось их здесь немало. Под видом корреспондентов, наблюдателей сюда съехало 70 представителей Соединенных Штатов. Например, здесь подвизается в качестве неофициального наблюдателя и корреспондента американский конгрессмен Адам Кейтон Пуоэлл, имя которого уже известно советским читателям.

Я хочу рассказать еще несколько подробностей, связанных с ним. В одном из маленьких отелей собралось тридцать журналистов. Перед ним предстал высокий господин с нагловатым выражением больших, на выкате глаз. Пуоэлл включил портативный пишущий аппарат, установленный тут же, и начал бросать в пространство отрывистые слова, явно рассчитанные на пропагандистский эффект: — Здесь утром говорили о расовой дискриминации в Соединенных Штатах Америки. Это неверно. Смотрите, я негр, приехал сюда. Наша страна — рай для негров.

Однако под перекрестными вопросами корреспондентов, знающих американскую действительность, Пуоэлл неохотно признал наличие в некоторых штатах расовой дискриминации. В какой-то момент в записывающем аппарате кончилась пленка. Пуоэлл заволокнулся и сразу же прервал пресс-конференцию. Пуоэллу известны порядки в его стране, в частности он знает, что такое комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Вот почему он постарался иметь доказательства того, что он не сказал ничего выходящего за рамки данных ему инструкций.

Кое-кто из журналистов усомнился в негритянском происхождении Пуоэлла. На соответствующий вопрос корреспондента индонезийского агентства Антара Пуоэлл заявил буквально следующее: «Мой отец был черным. Я выгляжу как белый». По остроумному замечанию одного из индонезийских журналистов, Пуоэлл — негр по национальности, сколько по служебному положению. Это, так сказать, «служебный негр».

Но Соединенные Штаты послали в Бандунг не только «служебных негров». Здесь, например, есть представитель «движения за свободу Туркестана» некто Руен Насар, прибывший прямо из американско-английского шпионского диверсионного центра в Западной Германии. Сей приходивший распространяет здесь грязные небывшие о нашей стране.

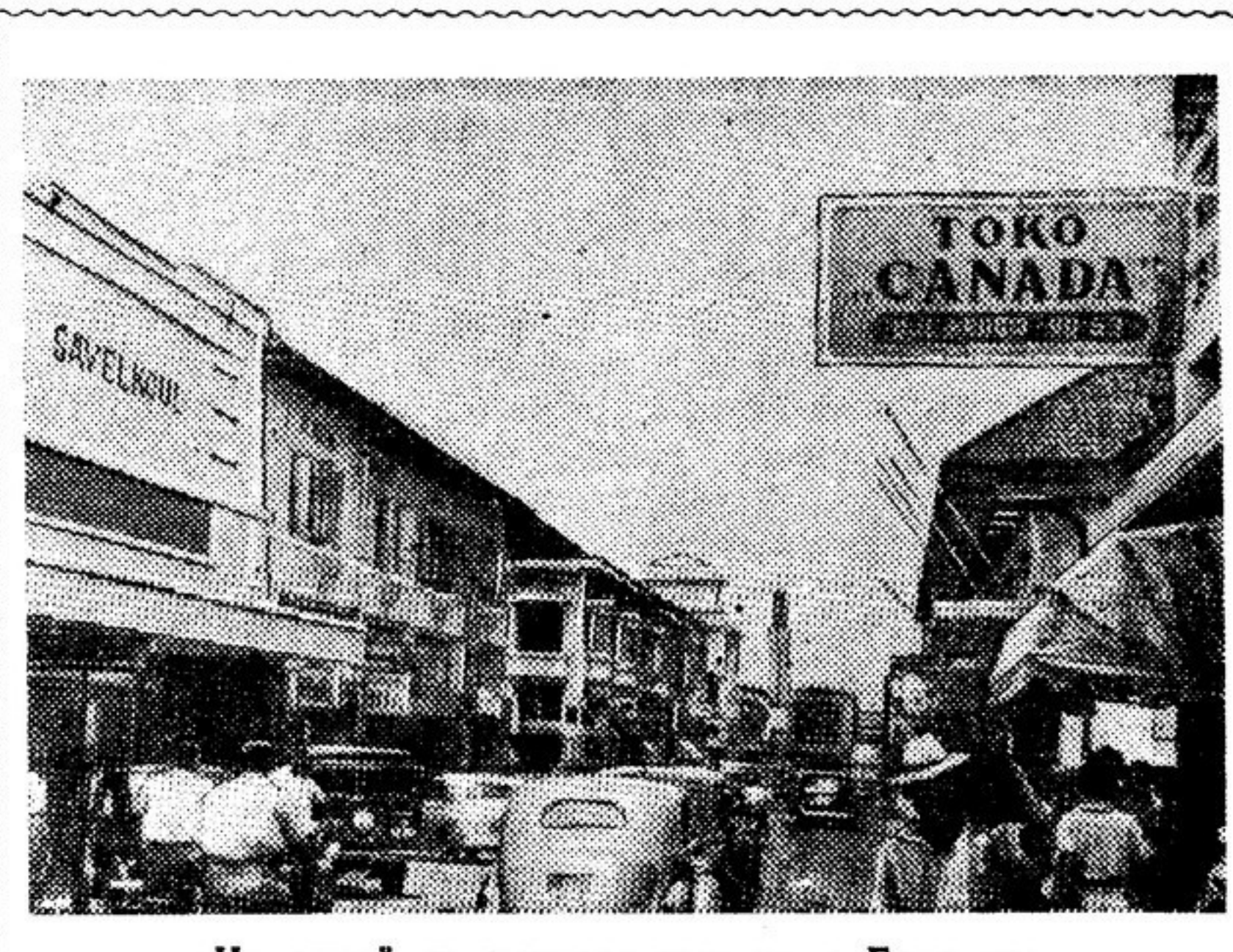
Но нет такой силы, которая могла бы подорвать доверие миллионов к Советскому Союзу. Здесь, в Бандунге, мы постоянно сталкиваемся с проявлением трогательной любви и уважения к советскому народу, его достижениям.

Во вторник на конференции был большой день. Уже утром распространилась весть о том, что на дневном заседании выступил Чжоу Энь-лай. Заседание было назначено на три часа дня, но в половине третьего разразилась гроза, и тропический ливень затопил все улицы. Тем не менее в «Зале Мердека» собралось множество гражданских служащих, терпеливо ожидавших премьер-министра Китайской Народной Республики. И когда он появился, люди провалили цепь охраны, окружили Чжоу Энь-лая, восторженно приветствуя его. «Зал Мердека» был переполнен. Делегаты и гости, встретившие Чжоу Энь-лая горячими аплодисментами, внимательно выслушали его прекрасно аргументированную речь.

Эта речь, по мнению большинства обозревателей, с кем нам пришлось беседовать, — это из выдающихся событий на конференции.

Сегодня утром в здании «Двигателя», отстоящем от «Зала Мердека» в 30 минутах ходьбы, приступили к работе комитеты, назначенные конференцией. Заседания комитетов происходят при закрытых дверях.

Н. СМЕТАНИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
БАНДУНГ, 20 апреля. (По телеграфу)

На одной из центральных улиц Бандунга.
Фото В. Мякоши, И. Сокольникова

СЕГОДНЯ — 10-Я ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА
О ДРУЖЬЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Источник побед

Чтобы почувствовать старую Польшу, надо ехать в Краков. Чтобы почувствовать новую Польшу, надо ехать тоже в Краков.

Так сказали мне друзья в Варшаве.

И вот мы в Кракове. Древнейший город Польши, с ним связана вековая история страны. Узкие улочки, тишина, звончики в котельях и с длинными бачками. Знаменитые бульвары, описывающие старый Краков там, где протекла раньше крепостная стена.

Славится Краков своим королевским дворцом — Вавелем.

— Побывав в Кракове и не посмотреть Вавель и костел — значит не узнать Кракова, — говорят его жители.

Действительно, в костеле собраны редчайшие произведения искусства. Хороша, например, часовня короля Зигмунта I, возведенная в XVI веке. Духовидный купол из камня создает впечатление необычайной высоты. Все здесь великолепно, всюду мрамор, гранит, золото.

Есть возле Кракова и другой музей. Небольшой городок Вельичка, он славится своими соляными копями.

С провозжатым, приземистым старичком, волосы которого только пропачканы солью, мы входим в простую полуоткрытую клетку с деревянными столбиком стенами. Стремительно падаем вниз на бог весть какую глубину. Потом идем коридорами, пробираемся в толлах соды. Наши шаги будят вековую тишину этих бесконечных тоннелей. Старик уверяет, что они тянутся на 65 километров.

По влажным стенам спускаемся все ниже и ниже. От редких электрических лампочек на железно-серых стенах сверкают соляные кристаллы. Деревянными мостиками переходим через огромный искусственный грот. Пол нам туголо отвечает ватой.

Коридор кончился. Мы на площадке. Широкие ступени, вырубленные в соляной толще ведут в огромный костел, освещенный тремя люстрами. Здесь, как в настоя-

щих рабочих у мартена. — Я старик, душой не привык кривить. Дobre работают! Дотошный народ и до работы злой. Прямо могу сказать, некоторым нашим заводам не грех и поучиться на Гуте.

Говорил он это даже с некоторой гордостью, говорил, как о своих любимых учениках. Но затем вдруг свел густые брови: — Только вот нам бы нос не утерять. Ох, боюсь!

— Кому нам? — Азовцам. Я уже и письмо хочу писать... Видишь ли, какое дело. Эту пещу только начали осваивать. Она ведь как-то сложная, сложная, 370 тонн — одна плавка! Они ее быстро освоили. Говорю — дотошный народ! На первый месяц задание 9 тысяч тонн, дали 10,5 тысячи тонн, на второй месяц задание 10,5 тысячи, а они — 13 тысяч тонн. Чувствуй! Вот на этот месяц план 13 тысяч... А за двенадцать дней... Старик выругался: — Сейчас погляжу. — И убежал из котельни, где мы сидели. Через несколько минут вернулся: — Ну что ты будешь делать! Утром было 750 тонн, а сейчас уже 800 тонн. — Что везем? — За двенадцать дней, говорю, 800 тонн сверх плана дали. И добавил: — На «Азовстали» у такого же мартена 14 тысяч тонн — предел. Догонят, смотри, догонят нас! У Николая Васильевича на лице были написаны такие противоречивые чувства — и радость за своих учеников и беспокойство за своих азовцев, — что я невольно засмеялся: — Ну и что же, что догонят, это ведь хорошо. Старик довольно улыбнулся: — Правильно говорим! Будем соревноваться!

Г. ФЕДОРОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
КРАКОВ, апрель

сверх плана, сэкономить тысячу тонн кокса.

— Мы постоянно чувствуем помощь наших советских друзей, — говорит Мечислав Ковчончик. — Я вам так скажу: у нас еще много недостатков, они иногда мешают строительству новой жизни. Но главное — это то, что большинство людей всем сердцем понимает: без новой жизни, без этой Новой Гуты, без дружбы с Советским Союзом немислямо само существование нашей родины.

Понимая немного, он добавил: — Еще нельзя говорить, что в Кракове до социализма дальше, чем где бы то ни было. А сейчас у нас на комбинате поют песни:

Скоро будет не Гута при Кракове,
А Краков при Гуте...

Новая Гута, по словам директора комбината Чеховича, открыла новую эру в польской промышленности. Комбинат стал школой социалистического строительства. В нем материально воплотилась братская дружба советского и польского народов.

На высокой стене электростанции мы прочитали написанные огромными буквами слова Болеслава Берута: «Помощь, пример, дружба с Советским Союзом — это главный источник наших побед».

То, что Новую Гуту помогают строить советские люди, что она оборудована советскими машинными, еще больше поднимает ее значение в глазах польского народа. Поэтому-то и ней и пишут романы, поэмы и песни славаго.

Но и для советских людей Новая Гута — дорогое детище. В мартеновском цехе у меня произошла интересная встреча с земляком. Это был советский обер-мастер мартеновских печей с завода «Азовсталь» Николай Васильевич Бабкин. На площадке, в отдалке от огня, размишето шагал пожилой человек в кепке, сдвинутой на затылок.

Широко улыбаясь, он долго тискал мою руку.

— Как работаете? — кивнул он на поль-

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЗИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И — 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгизста). Телефон: секретариат — К 4-01-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, в редакцию — К 4-84-28, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.